

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 12**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 12 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-458-04662-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04662-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Положительная философія и единство науки.

V.

Соціологія *).

Въ человѣкѣ мы съ перваго же шага встрѣчаемся съ такими явленіями, какихъ нѣтъ въ физической природѣ. Мы находимъ здѣсь право, нравственность, религію, науку. Все это спеціальныя явленія человѣческаго духа. Какъ же должна къ нимъ отнестись положительная наука? Очевидно, она должна стараться изучить эти явленія, изслѣдовать ихъ законы, сравнить ихъ между собою и съ результатами, добытыми другими путями; тогда только можно произнести окончательный приговоръ. Но положительная философія избавляетъ себя отъ этого труда. Она прямо, на основаніи не существующей, но имѣющей родиться біологической теоріи человѣческой природы, объявляетъ религію и метафизику пустыми созданіями воображенія и на этомъ строить все свое собственное ученіе. Если сужденія Конта о мало извѣстныхъ ему наукахъ нерѣдко страдаютъ легкомысліемъ, то здѣсь уже легкомысліе достигаетъ невообразимыхъ размѣровъ.

Оно рѣзко высказывается въ томъ, что, построивъ на воображаемомъ біологическомъ основаніи теорію исторической эволюціи, Контъ самъ, въ концѣ концовъ, признаетъ „очевидную невозможность когда-либо вывести послѣдовательныя явленія

*) Окончаніе, см. кн. II.

общественной эволюціи независимо отъ прямого ихъ наблюденія, единственно изъ знанія законовъ, управляющихъ единичною особою“ (VI, 827). „Взятая отдѣльно, говоритъ онъ, личная эволюція человѣческаго ума не можетъ по истинѣ раскрыть никакого существеннаго закона; она не можетъ даже дать никакихъ цѣнныхъ указаній или важныхъ провѣрокъ, иначе какъ если рacionales ея изслѣдованіе направляется и объясняется внушеніями (*les inspirations*), вытекающими изъ совокупной эволюціи человечества, которая одна достаточно реальна и вмѣстѣ довольно полна, чтобы надлежащимъ образомъ раскрыть истинный ходъ нашего ума“ (VI, 694). Итакъ, совокупное развитіе человечества выводится изъ раскрываемой біологіею природы человѣка, а біологія, въ свою очередь, должна руководствоваться совокупнымъ развитіемъ человечества! Что же можетъ выдти изъ такихъ противорѣчивыхъ взглядовъ, кромѣ чисто фантастическаго зданія? Но посмотримъ на самое содержаніе закона.

Теорія человѣческой природы, изъ которой выводится основной законъ историческаго развитія, состоитъ въ томъ, что человѣкъ первоначально знаетъ только самого себя и по себѣ судить о всѣхъ явленіяхъ физическаго міра. Вслѣдствіе этого, онъ всѣ внѣшніе предметы считаетъ одушевленными и управляемыми такими же волями, какую онъ находитъ въ себѣ. Въ этомъ лежитъ источникъ всякаго религіознаго поклоненія, которое начинается съ обоготворенія видимыхъ предметовъ и мало-по-малу восходитъ къ отвлеченнымъ началамъ. Такое пониманіе вещей не только неизбежно въ младенческомъ состояніи человѣческаго ума, но оно въ высшей степени полезно, какъ первоначальный способъ связывать понятія. Человѣкъ не можетъ послѣдовательно наблюдать явленія, иначе какъ съ помощью какой-нибудь предварительной теоріи, а такъ какъ теорія, въ свою очередь, должна выводиться изъ явленій, то здѣсь долженъ былъ бы образоваться неисцѣлимый логическій кругъ, если бы само собою возникающее богословское воз-

зрѣніе не указало изъ него естественнаго исхода. Исторически оно является воспитателемъ человѣческой мысли. Такую же несомнѣнную пользу приносить оно и въ практической сферѣ, давая человѣку первую систему понятій, способную связать младенческіе умы и соединить ихъ въ крѣпкія общества. Этимъ путемъ въ первый разъ выдѣляется изъ общества классъ, преданный исключительно умственнымъ упражненіямъ. Но это историческое значеніе, важное въ эпоху младенчества, становится, напротивъ, препятствіемъ развитію при большей зрѣлости человѣческаго ума. Если въ младенческую пору человѣкъ по себѣ судить о внѣшнемъ мірѣ, то въ зрѣломъ возрастѣ онъ, наоборотъ, подчиняетъ свою собственную природу открытымъ имъ законамъ внѣшняго міра. Въ этомъ состоитъ точка зрѣнія положительной науки, которая мало-по-малу отвоевываетъ все большія и большія области у религіознаго міросозерцанія. Ей принадлежитъ будущность. Но такъ какъ переходъ одного воззрѣнія въ совершенно противоположное не можетъ совершиться прямо, то посредствующимъ звеномъ являются метафизическія понятія: вмѣсто прежнихъ живыхъ существъ, которымъ приписывалось управленіе явленіями, остаются пустыя сущности, которыя ровно ничего не объясняютъ и по самой своей природѣ могутъ имѣть лишь переходное значеніе, приготавливая умы къ принятію положительныхъ началъ. Этотъ основной законъ, въ связи съ закономъ послѣдовательности научной іерархіи, въ силу котораго науки болѣе общія и простыя достигаютъ уже метафизической, а затѣмъ и положительной степени, когда болѣе частныя и сложныя обрѣтаются еще на степени богословской, объясняетъ, по увѣренію Конта, все умственное развитіе человечества (IV, 660—711).

Въ этой выведенной умозрительно теоріи все не вѣрно отъ начала до конца. Она противорѣчитъ и собственному ученію Конта, который, какъ мы видѣли, отвергалъ самую возможность внутренняго самонаблюденія. Вслѣдствіе этого, онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку. „Хотя, говорить

онъ, вѣрно указывалось основное затрудненіе познавать самого себя, однако не надобно придавать слишкомъ абсолютное значеніе этому общему замѣчанію, которое можетъ относиться лишь къ очень уже усовершенствованному состоянію человѣческаго разума. Въ дѣйствительности, умъ человѣка долженъ былъ достигнуть уже значительной утонченности въ своихъ обычныхъ размышленіяхъ, прежде нежели онъ могъ удивляться собственнымъ дѣйствіямъ, отражая на себя ту умственную дѣятельность, которая прежде исключительно поглощалась внѣшнимъ міромъ“. Вначалѣ же „человѣкъ необходимо смотритъ на себя, какъ на центръ всего, и тогда онъ, съ другой стороны, столь же неизбежно склоненъ выставять себя всеобщимъ типомъ“ (IV, 660). Выходитъ, слѣдовательно, что человѣкъ сначала знаетъ только самого себя, затѣмъ почему-то совершенно перестаетъ себя знать и погружается исключительно въ созерцаніе внѣшняго міра, и наконецъ опять возвращается къ себѣ. На чемъ основанъ такой странный процессъ, изъ теоріи Конта не видно; во всякомъ случаѣ, онъ противорѣчитъ признанной имъ невозможности внутренняго опыта. Такое воззрѣніе не согласно и съ явленіями, какъ признаетъ самъ Контъ. Въ младенческомъ состояніи ума человѣкъ дѣйствительно многіе неодушевленные предметы принимаетъ за одушевленные, только не всѣ. „Собственно говоря, замѣчаетъ Контъ, богословская философія, даже въ первомъ нашемъ дѣтствѣ, личномъ или общественномъ, никогда не могла быть въ строгомъ смыслѣ общео: т.-е. во всѣхъ порядкахъ явленій, факты самые простые и обыкновенные всегда рассматривались, какъ существенно подчиненные естественнымъ законамъ, а не приписывались произвольнымъ хотѣніямъ сверхъестественныхъ дѣятелей“ (IV, 694). Безъ такого понятія о естественныхъ законахъ, продолжаетъ онъ, въ приложеніи къ самымъ простымъ явленіямъ ежедневной жизни, очевидно, невозможно было бы ни малѣйшее предвидѣніе, и молитва была бы единственнымъ средствомъ вліять на обыкновенный ходъ вещей и на человѣческія дѣйствія (тамъ же).

Дѣло въ томъ, что человѣкъ въ окружающемъ его мірѣ видитъ неодушевленные предметы и одушевленные, камни, животныхъ, другихъ людей. Не имѣя настоящаго познанія предметовъ, онъ естественно склоненъ считать одушевленнымъ то, въ чемъ онъ усматриваетъ какое-нибудь движеніе. Контъ справедливо замѣчаетъ, что то же самое дѣлають и животныя: собака, такъ же какъ ребенокъ, принимаетъ часы за живое существо (V, 37). Но именно отсюда видно, что не въ этомъ надобно искать начало религіознаго поклоненія. Собака встрѣчаетъ странной формы чурбанъ; она сначала принимаетъ его за неизвѣстное ей животное, лаетъ на него, злится, а вмѣстѣ не смѣетъ подойти; но мало-по-малу, когда чурбанъ остается тутъ безъ всякаго движенія, она къ нему привыкаетъ и перестаетъ обращать на него вниманіе. Человѣкъ, напротивъ, изъ этого чурбана дѣлаетъ себѣ верховнаго покровителя, обращаетъ къ нему свои моленія, считаетъ его отвѣтственнымъ за успѣхъ или неуспѣхъ своихъ предпріятій. Если мы сравнимъ этотъ способъ дѣйствія съ тѣмъ, что дѣлаетъ животное, мы должны сказать, что послѣднее руководится естественнымъ смысломъ, а человѣкъ, напротивъ, показываетъ отсутствіе всякаго здраваго смысла. Но если мы постараемся вникнуть въ сущность явленія, мы увидимъ нѣчто совершенно иное. Всякое явленіе, какъ признаетъ и Контъ, объясняется не зачаточнымъ состояніемъ, а вполне развитымъ. Религіозное сознаніе человѣчества проходитъ цѣлый процессъ, на вершинѣ котораго является понятіе объ абсолютномъ существѣ, верховномъ правителѣ міра и покровителѣ человѣка. Этого понятія человѣкъ ищетъ съ первыхъ временъ своего существованія. Отсюда происходитъ то непонятное для Конта явленіе, что человѣкъ съ самаго начала ставитъ себѣ вопросы, радикально превосходящіе уровень его способностей, вопросы о первоначальныхъ и конечныхъ причинахъ вещей. При младенческомъ состояніи ума, онъ связываетъ это прирожденное ему требованіе съ первымъ попавшимся ему предметомъ, почему-либо привлекающимъ къ себѣ его вниманіе. Онъ покло-

няется чурбану и признаетъ его своимъ верховнымъ покровителемъ, чего не дѣлаетъ собака. Но именно крайнее несоотвѣтствіе явленія съ тѣмъ, что въ него вносится а priori, становится источникомъ умственного процесса, въ которомъ умъ восходитъ все выше и выше, до тѣхъ поръ, пока наконецъ прирожденное требованіе и приобрѣтенное представленіе совпадаютъ.

Если таково выясняющееся изъ явленій существо религіознаго процесса, то положительную философію никакъ нельзя признать окончательнымъ продуктомъ человѣческой мысли. Напротивъ, именно она должна считаться признакомъ переходнаго состоянія, когда разумъ, не удовлетворенный своими прежними понятіями и не обрѣтая еще новыхъ, находится въ недоумѣніи и готовъ считать высшія истины совершенно для него недостижимыми. Если бы человѣкъ остановился на этой ступени, его надобно было бы признать какимъ-то умственнымъ и нравственнымъ уродомъ. Присущія ему духовныя потребности, сопровождающія его съ самаго его появленія въ свѣтъ, потребности, вытекающія изъ высшихъ сторонъ его естества и имѣющія важнѣйшее вліяніе на всю его судьбу, должны, по теоріи Конта, вѣчно оставаться безъ удовлетворенія. Непонятно даже, какимъ образомъ онъ можетъ ставить себѣ вопросы, радикально выходящіе изъ доступныхъ ему границъ. Если онъ такъ настойчиво и упорно ставитъ эти вопросы, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ долженъ имѣть способность дать на нихъ отвѣтъ, согласный съ требованіями его разума и съ указаніями его совѣсти. Завершить все познаніе міра этимъ жалкимъ выкидышемъ было бы чистою нелѣпостью.

Но при рѣшеніи этихъ вопросовъ всего менѣе позволительно, даже съ точки зрѣнія положительной науки, подчинять ихъ исключительно тѣмъ началамъ и законамъ, которые выводятся изъ изученія внѣшней природы. Не въ физической природѣ возникаютъ эти вопросы, а въ человѣкѣ; поэтому и для рѣшенія ихъ надобно прежде всего изслѣдо-

вать раскрывающееся въ явленіяхъ естество человѣка. Заранѣ подчинить ихъ законамъ внѣшней природы столь же противно истинно научнымъ требованіямъ, какъ и обратное подчиненіе внѣшней природы законамъ человѣческаго духа. Съ точки зрѣнія положительной науки, каждая область явленій должна быть изучаема самостоятельно, послѣ чего результаты должны быть сведены къ общему итогу. Изъ этого только сравненія можетъ положительнымъ путемъ выработаться истинное понятіе о верховномъ началѣ, владычествующемъ въ совокупномъ мірозданіи.

Это сравненіе показываетъ намъ коренную разность между началами, опредѣляющими эти двѣ области. Въ основаніи всѣхъ явленій физическаго міра лежитъ понятіе о матеріи, которой коренное свойство есть *косность*: она движется только вслѣдствіе внѣшняго на нее дѣйствія. Въ человѣкѣ, напротивъ, мы находимъ начало *произвольнаго движенія*. Это начало является уже въ животномъ царствѣ. Мы видѣли, что органическій міръ стоитъ посрединѣ между чисто матеріальною областью и человѣкомъ, какъ мыслящимъ существомъ. Растенія ближе къ первому, животныя ко второму. Произвольность составляетъ отличительный признакъ разумнаго существа. При сближеніи этихъ двухъ началъ и возведеніи ихъ къ верховному источнику, естественно возникаетъ вопросъ: къ какой категоріи принадлежитъ послѣдній? Должны-ли мы приписать ему свойственную матеріи косность или свойственную разумному существу произвольность? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ логически допустимый отвѣтъ: если это начало едино и верховно, то оно не можетъ имѣть источникъ движенія внѣ себя; слѣдовательно, оно должно имѣть произвольность, т.-е. оно должно быть разумнымъ существомъ, подобно человѣку, а не мертвымъ существомъ, подобно субстанціи, лежащей въ основаніи внѣшней природы. Отсюда слѣдуетъ, что фетишистъ, который въ чурбанѣ ищетъ верховнаго покровителя, по основнымъ своимъ понятіямъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели положительный

философъ со всѣмъ своимъ аппаратомъ учености. Первый руководится прирожденнымъ человѣку инстинктомъ, неотъемлемо присущимъ его природѣ; второй отрицаетъ самую эту природу и на мѣсто ея ставитъ чистыя фантазіи. Въ познаніи вещей положительный философъ имѣетъ, конечно, преимущество передъ фетишистомъ, но никакого передъ развитымъ религіознымъ сознаніемъ. Контъ считаетъ неотъемлемою принадлежностью религій взглядъ на явленія, какъ на дѣйствія, подчиненныя произвольнымъ хотѣніямъ сверхъестественныхъ существъ. Но съ понятіемъ объ абсолютномъ разумномъ существѣ, управляющемъ міромъ, необходимо связано понятіе и объ абсолютной, т.-е. неизмѣнной и непреложной волѣ, слѣдовательно, и о неизмѣнныхъ законахъ, изъ нея исходящихъ. Съ этой точки зрѣнія гораздо труднѣе объяснить чудеса, нежели вѣчные законы вселенной.

Такое полное непониманіе религіи необходимо должно сопровождаться столь же полнымъ непониманіемъ метафизики, въ которой Контъ видитъ только „преходящую хроническую болѣзнь“ (V, 277). Метафизика въ области науки имѣетъ то же значеніе, какъ и математика. Послѣдняя изслѣдуетъ количественныя опредѣленія чистаго разума, первая качественныя. Уже одно это сопоставленіе показываетъ, что метафизика не можетъ не быть существенною принадлежностью человѣческаго ума. Невозможно допустить, чтобы умъ заключалъ въ себѣ совершенно здравыя, точныя и послѣдовательныя количественныя опредѣленія и не заключалъ таковыхъ же качественныхъ. Стремясь къ объединенію явленій, онъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ на основаніи собственныхъ законовъ. Единое, лежащее въ основаніи различій, не дается внѣшними чувствами, а указывается разумомъ. Это и есть то, что называется сущностью, пребывающее среди преходящаго. Къ опредѣленію сущностей стремятся всѣ опытыя науки, и это именно дается метафизикою въ видѣ умственныхъ категорій. Таковы понятія субстанціи, причины, силы, вещества. Каждая ум-

ственная категорія есть извѣстный способъ объединенія явленій на основаніи законовъ разума, и все развитіе метафизики не что иное, какъ развитіе различныхъ умозрительныхъ способовъ пониманія явленій. Можно сказать, что это—подготовленіе пониманія для опытныхъ наукъ. Иныхъ способовъ пониманія нѣтъ и быть не можетъ, ибо для разума понятно единственно то, что согласно съ его собственными законами. И когда опытные науки стараются объяснить явленія, онѣ дѣлаютъ это на основаніи тѣхъ или другихъ метафизическихъ или математическихъ началъ. Выше мы видѣли тому многочисленные примѣры. Когда химія, руководясь чистымъ опытомъ, установила на твердыхъ основаніяхъ законъ постоянныхъ пропорцій, то объясненіе этого явленія прямо дано было давнымъ давно выработанною метафизикою атомическою теорією. Изъ этого ясно, что опытъ и метафизика такъ же необходимо восполняютъ другъ друга, какъ опытъ и математика. Опытъ служить провѣркою метафизики въ приложеніи; метафизика служить провѣркою опыта въ пониманіи. Метафизика безъ опыта пуста; опытъ безъ метафизики слѣпъ.

Относясь, съ одной стороны, къ опыту, какъ общее къ частному, какъ отвлеченное къ конкретному, метафизика, съ другой стороны, точно такъ же относится и къ религіи. Но здѣсь содержаніе иное, а потому и приемы иные. Опытъ имѣетъ свой совершенно достовѣрный способъ изслѣдованія истины, такъ же какъ математика и метафизика, а потому онъ, въ свою очередь, способенъ служить провѣркою метафизическихъ выводовъ и математическихъ вычисленій. Всѣ эти отрасли знанія имѣютъ между собою то общее, что онѣ суть науки. Религія же не есть наука; это—живое отношеніе человѣка къ верховному началу бытія, отношеніе, охватывающее все его существо и фактически составляющее одну изъ важнѣйшихъ сторонъ человѣческаго сознанія. Съ метафизикою религія имѣетъ общее содержаніе; понятія о Божествѣ суть начала метафизическія, а потому они подлежатъ провѣркѣ со стороны метафизики. Развивая соб-

ственные начала, разумъ дѣлаетъ ихъ мѣриломъ того религіознаго сознанія, которое онъ находитъ въ окружающей средѣ. И это мѣрило совершенно законное, ибо иного у человѣка нѣтъ. Религіозное чувство не можетъ само себѣ служить мѣриломъ, ибо оно субъективно, разнообразно и смутно. Религій на свѣтѣ множество, и каждая изъ нихъ исполнѣ удовлетворяетъ религіозному чувству ея послѣдователей. Которое же изъ этихъ чувствъ вѣрно? Для рѣшенія этого вопроса человѣкъ не имѣетъ иного средства, какъ обратиться къ наукѣ, и изъ наукъ именно къ метафизикѣ, которая имѣетъ съ религіею тождественное содержаніе. Мѣриломъ метафизическихъ началъ въ ихъ конкретной религіозной формѣ можетъ быть только метафизика въ ея отвлеченной формѣ, т.-е. въ формѣ науки. Такая провѣрка дѣйствительно совершается и возводитъ человѣческое сознаніе на высшую ступень. Мы увидимъ, что древняя метафизика разрушила языческое міросозерцаніе и приготовила владычество христіанства.

Отвергнувъ религію и метафизику, какъ фантазмагорію, Контъ старается однако сохранить за ними чисто историческое значеніе; но и въ этомъ отношеніи его объясненія столь же не основательны, какъ и все остальное. Тотъ неисцѣлимый логическій кругъ, изъ котораго, по его теоріи, религіозное воззрѣніе выводитъ человѣка, въ дѣйствительности не существуетъ. Выше было уже доказано, что наблюдать можно безъ всякой предварительной теоріи, а ненаучныя теоріи служатъ лишь помѣхою наблюденіямъ. Ботаника не подвинулась ни на шагъ отъ представленія лѣшихъ. Всего менѣе понятно, почему человѣческій умъ, достигши чисто положительнаго научнаго міросозерцанія, вмѣсто того чтобы продолжать идти впередъ по этому плодотворному пути, вдругъ обращается опять къ фантастическимъ представленіямъ метафизики и богословія. Положительное міросозерцаніе хорошо было извѣстно уже въ древности. У Демокрита и софистовъ можно найти всѣ современные понятія о матеріи, объ атомахъ, о вѣчныхъ и необходимыхъ зако-